

VIII. ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ БЛЫНСКИЙ

(1932—1965)

Родился в с. Васютино Дросковского (ныне Покровского) района, в райцентре окончил семилетку и в 1947 г. поступил в известную Федоскинскую художественную школу, что в Подмосковье. И детские, и студенческие годы были для будущего поэта трудными и голодными: в 1946 г. умер отец-фронтовик, не раз раненный и контуженный; мать-колхозница осталась одна с малолетними детьми... Тяжкими для семьи были 1946—1947 годы — время засухи, голода, жизни на грани нищеты.

Тем не менее, полуголодный и плохо одетый деревенский паренек был одним из лучших на своем курсе в художественном училище, затем — примерным матросом-балтийцем, а поступив после службы на флоте в Литературный институт — подающим большие надежды студентом. Об этом свидетельствуют и отзывы его учителей — известных поэтов Михаила Исаковского, Льва Ошанина, и диплом с отличием, и высокий авторитет среди однокурсников. После окончания Литинститута в 1959 году работал в ЦК ВЛКСМ, затем — в редакциях «Комсомолки» и «Орловской правды». Он умер во время служебной командировки в Заполярье. Его стихи и проза публиковались в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Огоньке», «Смене», в сборниках «День поэзии».

В памяти современников он остался человеком чистой души и большого поэтического таланта, незаурядным живописцем, певцом и знатоком музыки (в свое время ему всерьез предлагали поступать в консерваторию).

Ведущими в его поэзии стали тема войны и горьких послевоенных лет, темы исторических судеб России и «малой родины» — Орловщины, ей же посвящены и его миниатюры в прозе — лирические зарисовки пейзажей родных мест Дмитрия Ивановича.

Пойдем в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любим ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

С ним я подружился знойным
летом,
В дни, когда у деда был
подпаском,
В дни, когда не думал быть
поэтом,
Зная мир по бабушкиным
сказкам.

— Здравствуйте! —
Негромким этим словом
Я его приветствовал вначале.
Я его произносил коровам,
Но они, как дед, всегда молчали.

А когда я в луг шагал с обедом,
Кто-то крикнул мне в ответ:
— Здорово!
Я любил свой кнут, сплетенный
дедом,
Но еще сильнее — это слово.

Я любил сидеть с кнутом у вяза
Перед садом за селом заречным,
Повторяя за день по три раза
— Здравствуйте! —
Одним и тем же встречным.

Нравилось, как сумрачные лица
Озарялись весело при этом.
Разве мог тогда я не влюбиться
В слово, переполненное светом!

СЕРДЦЕВИНА

...И снова детство.
Обогнешь трясину —
И вот он, лес, обнявший
крутосклон.
Войдешь и встретишь старую
осину.
Мы к ней ходили, словно на
поклон.

Такой осины в свете не отыщешь:
Ствол без сучка,
На редкость толст и прям.
Чтоб обхватить его у корневища,
Трех пар ручонков
Не хватало нам.

Она приклеена вершиной к небу.
Мы думали, стоять ей тыщи лет.
Не раз жалел я:
Повзрослее не был,
А то б с нее увидел целый свет.

Я б даже небо мог с нее потрогать,
Звезду достать
И положить в картуз.
— Эх, Монтигомо Ястребиный
Коготь, —

Шутил лесник, покручивая ус.
Под ней сидел не раз на рыжем
пне я.
Здесь сыро даже в солнечные дни.
А все, что вверх тянулось
Рядом с нею,
Без света чахло в сумерках, в
тени.

Таким и смерти нет.
Но вот осина
Лежит, переломившись пополам.
Лесник сказал:

Даже птицы молчат,
Как тени:
Где их свадьбы, их песни, крик?
Знать, от жажды или от лени
Прикусили давно язык.

Ловят солнце в реке коровы,
Зной не могут они простить, —
Выпить реку с утра готовы,
Только солнце бы
Проглотить.

И пускай даже самый старый
Плечи дуб опустил, зачах, —
Солнце,
Бронзовый от загара,
Я несу
На своих плечах.

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.

Раздался в плечах он, шире стал,
В охапку берет рассвет.
На веру ему — четыреста,
На взгляд — восемнадцать лет.

Под вздох топора горячего,
Под посвист чужой стрелы
Услышали детский плач его
Впервой на яру орлы.

Еще он едва утра достиг,
Далекий от ждущих дел,
Сам Грозный, смеясь от радости,
Младенцу в глаза глядел.

Глядел, причитая, окая,
На гребне крутого рва:

— Живи, чтоб Москва далекая
Надежней была жива.

Встань, руки расставь, чтоб
вороги

Не смели нести разбой
В пределы Руси, что дороги
Песчинкой своей любой.

Вся сила твоя в народе, чей
Прикрой сине-край крылом,
Недаром веленьем родичей
Тебя нарекли Орлом...

Над ярью лесной, сутулою
Он рос и таил мечту —
Пойти на свиданье с Тулою
И с Брянском сыграть в лапту.

В ночи налетали вороны,
Ползли среди дня ужи,
А он на четыре стороны
Глядел, не сходя с межи.

Мужал он, и шли столетия,
И недруги шли опять,
И злобу к его земле тая,
Катились с позором вспять.

А он, похудев от голода,
От горя и сед и стар,
Вставал на руинах молодо,
Отважней, чем в дни татар.

Но новая банда хитрая
С заката торила путь,
Грабители Лжедмитрия
Хватали его за грудь.

В карманах разбойно шарили,
Бросали в разгул огней,
А он — не в лихом пожаре ли! —
Мужал, становясь сильней.

Фашисты путями торными
Шли к юноше напролом,
Одежда кусками черными
Отваливалась на нем.

Но раны опять залечены,
Опять закипел рассвет,
И краше, чем до неметчины,
В одежду свою одет.

Ока под ногами вспенена
Дыханьем его степным,
И красное знамя Ленина
Шумит на ветру над ним.

Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.

* * *

Лишь напомнят о близкой осени
Улетающие журавли,
Смотришь — клены одежду
сбросили,
Травы буйные полегли.

Вся природа спешит, торопкая,
Декабрю передать права.
Но взгляни — на свету за тропкою
Голубеет «рыскун-трава».

Чем все глубже зима, тем пуще я
Быть люблю на тропе лесной,
Где трава, на снегу цветущая,
Дышит молодостью и весной.

* * *

Над костром куковала кукушка
в лесу,

Но давно от дождя захлебнулся
костер.
И, с поленьев в золу отряхая росу,
Вечер крылья заката над ним
распростер.
Вечер крылья заката над ним
распростер
Во всю ширь колдовскую, во все
небеса,
Только, видно, не дождь и совсем
не роса,
А кукушкины слезы залили
костер.

ПОЭЗИЯ

Здоровое сердце
Не слышно, как бьется,
Оно не стучит
Кулаком своим в грудь,
Мол, вот я какое,
Мол, мне достается,
Мол, ты про меня никогда
не забудь.

Здоровое сердце
Без крика и грома
Беззвучно стучит,
Не хвалясь, не грозя.
Спокойно,
Как будто бы нет его дома,
Как будто бы нет,
А без сердца — нельзя.

Здоровое сердце
Скромнее и строже,
Без усталости бьется,
Не смея устать.
Поэзия!
Спутница жизни,
Ты тоже
Должна быть
Здоровому сердцу под стать.

ИДУ С ПОЛЕЙ

*Литературному институту
им. А. М. Горького
с благодарностью посвящаю*

О стихах говорят в этом доме
поэты.

Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская,
где ты?

Шла со мною сюда, да отстала
в пути.

Что принес я с собой? На ладонях
мозоли,

Запах лопнувших почек с весенних
берез

Да тетрадку стихов, где-то
сложенных в поле,

Где-то сложенных в поле в жару
и в мороз.

Я, как пахарь, их видел под
лемехом плуга,

Как пастух, я встречал их
в глазах у телят.

Даже вьюга, бездушная, колкая
вьюга,

Мне стихами орет так, что уши
болят.

Где бы их ни искал я — в полях
ли, в лугах ли,

Нахожу в каждом колосе, в песне
ручья,

Потому мои строки землю
пропахли,

Как пропахла полынью фуфайка
моя.

Рифму я не вертел за столом
по неделе

(Чем причудливей рифма, тем
громче стихи).

На меня они сами, простые,
глядели

То слезинкой цветка, то
сережкой ольхи.

Где ты, смелость моя
деревенская, где ты?

Шла со мною сюда, да отстала
в пути.

О стихах говорят в этом доме
поэты.

Я стучу. Я вхожу. Я обязан
войти.

Под глухим пещерным сводом
крова,

Верю, самым первым это слово
Произнес когда-то человек.

Маленькое слово, но вместило
Все оно —

от капли до светила,
Все —

от первозданья и вовек.

Это слово с самого начала
Никогда набатом не звучало,

Но, простое,
тихое,

оно
Наполняет душу силой свежей,

Ветром с гор,
простором побережий,

Солнцем, что для жизни рождено.

Громко мы его не произносим,
Мы его с рожденья в сердце носим,

Нам к нему любви не занимать.
Мы в святых не верим,

но святое

— Винограду? А сколько надо?
Виноградина, как слеза.
Посмотри, как у винограда
За тобою следят глаза...

— Абрикосы не смотрят косо,
Только б мимо ты не прошел,
Слышишь, просятся абрикосы,
Чтобы взял их к себе на стол.

— Видишь, лето какого цвета, —
Смешан с солнцем янтарный мед.
Покупай поскорее лето,
А не купишь — другой возьмет.

Интерес тут ко мне особый,
Голоса тут из края в край:

— Не скупись...
— Подходи...
— Попробуй...
— А попробовал — забирай!

И никак не уйти от взгляда,
От зовущих крикливых глаз.

Ах, базары, где все, что надо,
Почему не люблю я вас?!

ЛИЦОМ К ВОСТОКУ

Все на земле —
От луговых соцветий
И до соцветий человечьих
глаз —

Обращено к Востоку
На рассвете
И солнца ждет,
Волнуясь каждый раз.
Сильней струятся под корою соки,
И кровь бежит по венам горячей,
Когда земля мечтает
О Востоке,
О роднике из солнечных лучей.
Восток!
Он обласкает, приголубит,
В обиде не оставит никого.
И только ночь одна
Восток не любит,
На Запад убегая от него.

ИЗ КНИГИ НОВЕЛЛ

СТРЕЛЕЦКИЙ МЕЛЬНИК

Наверное, сто раз проклинал я эту проселочную дорогу. Еще подростком, в нелегкую пору послевоенных лет, в апрельскую распутицу, вместе со школьными сверстниками да с деревенскими бабами по этой дороге я носил со станции семена для весеннего сева. В зимнюю лютъ, закутанный в полушубок, вышагивал за санями, доверху груженными углем или строительным лесом. Нередко возвращался в деревню в такой же летний горячий день, если на станции не оказывалось ни одной машины.

Сто раз я проклинал эту дорогу и в сто первый, словно впервые встретившись, открываю в ней что-то необыкновенно родное, незамеченное прежде.

Только одну деревню Стрелка да Стрелецкие выселки с пятью

хатами, из которых две с заколоченными окнами, встретил я на дороге от Русского Брода. А впереди километров пятнадцать до самого Дроскова сплошные поля с зацветающей рожью, с перепелиной перепалкой, с бегущими волнами жаркого марева.

Дорога то убегает с косогора вниз, теряясь в духмяных зарослях конопляника, то медленно поднимается к далекому небосклону, упирался в дрожащий край зубчатого окоема.

Ботинки мои поседели от пыли.

Пыль набивается в глаза и скрипит на зубах.

Наверно, я очень похож на знакомого стрелецкого мельника, веселого и приветливого чудака, что, позабыв отряхнуться, возвращается к жене-старухе со своей мельницы.

Дорогу изрезали глубокие выбоины, переплелись морщины недавних промоин, застыли после отшумевшего на прошлой неделе грозового ливня рваные колеи от тележных колес...

Я сворачиваю на цветущую обочину.

Еще минута — и я лежу на спине, раскинув руки, среди густого разноцветья у ракитового куста. Медленно в голубом океане плывут причудливые паруса облаков.

Они на глазах превращаются то в седого от муки стрелецкого мельника, то в белую мельницу с огромными белыми жерновами.словно подвешенный за солнечный луч, под голубым куполом раскачивается жаворонок — воздушный гимнаст.

А рядом, на земле, меня обступили со всех сторон метелки красноколосого иван-чая, переплетенные с лиловыми цветами кукушкиных слезок. Кружатся пчелы, садятся за медовзятком на чашечки иван-чаяевых соцветий и совсем не обращают внимания на кукушкины слезки: давно поняла пчела, что проку от них никакого — пустоцветы. Расправив крылышки-лепестки, на зеленом листике с желтыми прожилками греется бабочка, все выше по травинке поднимается божья коровка, а невысохшая с утра капля росы робко выглядывает из-под сухого пучка прошлогодней травы.

Так бы и всматриваться в каждую прожилку на маленькой ладошке листика иван-чая, любоваться бабочкой и удивляться красоте оробелой капли росы. Но меня тянет на дорогу, чтобы снова седели от пыли мои ботинки, чтобы пыль набивалась в глаза и скрипела на зубах, чтобы снова я был похож на знакомого стрелецкого мельника...

ЛАСТОЧКИ

Ласточки обещали хорошую погоду: они кружились под солнцем так высоко, что, казалось, острыми крыльями задевали солнце.

А тут, внизу, от деревенской околицы до синих зарослей ивняка у ручья лежала пестрая луговина. Среди буйного разнотравья цветы, как живые глаза, не моргая, смотрели в небо, может быть, даже завидуя тому, что обыкновенные ласточки запросто являются в гости к солнцу.

Тропинкой, переплетенной желтым, ползучим вербейником и чабрецом, я медленно шел через луговину к лесу. У моих ног мелькнула густая серая тень, и я увидел ястреба-тетеревятника.

Короткие крылья были как бы неподвижны, и только длинный хвост с необыкновенной ловкостью направлял его полет прямо в гущу ласточек. Почувяв опасность, они через всю луговину бросились к ручью, где в песчаном обрыве берега их ожидали теплые гнезда. Но до ручья было далеко, а хищник уже настигал, он совсем рядом.

Можно было бы свернуть к лесу, но они-то знали, что лес — это дом стервятника с его гнездом в осиновых зарослях на опушке.

Когда до ласточек оставалось метров десять, ястреб увидел, как одна из них, отцепившись от стайки, резко свернула в сторону и быстро начала снижаться. Тетеревятник на мгновение растерялся. Стайка ласточек продолжала улетать к ручью. Ястреб тоже свернул и камнем бросился за отбившейся ласточкой.

Слышно было, как часто стучит мое сердце. Ястреб был так близко от ласточки, что, казалось, ему хочется продолжить свое удовольствие погони за глупой птичкой, которой никуда не деться от его цепкого горбатого клюва... Ласточке некуда было скрыться. Впереди на косогоре стоял только небольшой куст какого-то низкорослого деревца.

Я даже не заметил, как ласточка в одно мгновение исчезла, а ястреб начал кружиться над самым деревцем, едва не задевая его крыльями. Он кружил долго, пока я не приблизился к зеленому кусту. Ястреб взмахнул крыльями и, крадучись над самой землей, полетел в сторону леса.

Я подошел к кустарнику.

Среди буро-коричневых ветвей, покрытых острыми изогнутыми шипами, прикрываясь пальчатыми опущенными листьями, сидела ласточка. Я подошел к ней вплотную, и она продолжала спокойно и неподвижно сидеть за своей надежной колючей оградой. Она смотрела на меня темными добрыми глазами. Я внимательно разглядывал ее и, невольно улыбаясь, вспомнил загадку, что когда-то в детстве загадывал мне мой отец, плотник и птицелюб: «Спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце».

Я отошел на несколько шагов в сторону — и тотчас ласточка, вспорхнув из своей зеленой крепости, с легким щебетанием полетела к высокому берегу ручья.

Проходя к лесу, я обернулся и над самым ручьем высоко в небе увидел веселую птичью стайку: ласточки обещали хорошую погоду.

РЫЖИЙ

Захрамавшая в стаде на прошлой неделе корова, которую теперь стерегла Маруся, давно перешла через ручей и только изредка лениво поднимала комолую голову из буйной прибрежной травы.

Маруся, босая, заметно выросшая за минувшую весну из синего, с белым горошком, платьица, медленно шла по песчаному берегу, поглядывая на букет цветов, — она обещала принести его своей маленькой сестренке.

Многие названия цветов знала Маруся. Этому научил девочку ее дед, колхозный пасечник и садовод Кузьма Захарыч. Словно кусочки ясного июньского неба, голубели лепестки незабудок с жарким солнышком посередине, лиловели грустные кукушкины слезки, озорные ромашки с желтыми глазами весело смотрели на Марусю. С ярко-рыжими метелками донника переплелись бесцветные метелки тимopheевки, травы-ржицы... И еще много цветов перволетья полыхали на солнце разными огнями-самоцветами.

Над тихим задремавшим ручьем, за седыми кустами крушины кто-то громко свистнул. Вздрогнула Маруся: так свистит Ромка, рыжий-рыжий, как этот донник. И правда: раздвигая

крушиновые заросли, по песчаному откосу навстречу Марусе шли деревенские ребяташки. А впереди, как всегда, — Ромка. Маруся повернула назад. Ей трудно было бежать по сыпучему раскаленному песку. Она спешила к двум слегам, перекинутым через ручей. Маруся не оглядывалась, она чувствовала, что рыжий догоняет, что он уже рядом. Ромка обязательно отнимет букет. Он даже портфели с книгами у девчонок отнимал.

Прижимая букет к груди, Маруся подбежала к березовым слегам, кем-то положенным над глубокой водой. Слеги еще издали казались зыбкими и скользкими. Видно было, что давно по ним никто не проходил.

А Ромка со своей говорливой ватагой был совсем близко.

Разве можно отдать ему такой букет, где и белая таволга, и красные смолевки, и веточки иван-чая, — недаром с росного утра бродила Маруся вдоль ручья, по лесным просекам и полянам, приглядывая за хромающей короной.

А дома ожидает сестренка. Она будет долго плакать, если Маруся вернется к ней без цветов.

Ребяташки уже не шумели, не смеялись. Они остановились поодаль, увидев, как Маруся уходит от них, боязливо и медленно ступая по мокрым тонким березам, прогнувшимся до самой воды. На середине ручья она словно застыла. Повернула голову, чтобы увидеть, далеко ли Ромка, но потеряла равновесие, и нога соскользнула с гладкой бересты...

Холодная вода обожгла лицо.

Букет выпал из руки и, погружаясь в глухой зеленоватый омут, не спеша поплыл по течению.

Маруся не могла плавать и судорожно цеплялась за березовую слегу, повисшую над ее головой.

— Стоите, что пни обгорелые... — с досадой выпалил Ромка и, как был, в штанах и в рубахе, даже кепку позабыл снять, метнулся в ручей.

— ...воды испугались, космонавты! — кричал он присмиревшим друзьям-приятелям.

Когда Ромка помог Марусе выбраться на берег, он по привычке почти шепотом выругался:

— У, дура, ручей захотела выпить. В этом месте даже мы переходить не решаемся. А ты что — корову стережешь?

Маруся сидела на песке и молча, сдерживая слезы, смотре-

ла на уплывающий букет. Он почти весь погрузился в воду. Только метелка донника, как выбившийся из-под кепки Ромкин вихор, желтела у противоположного берега.

— Я думала ты... рыжий, а ты добрый... Я тебя ни капельки не боюсь, — сказала Маруся.

— А я водяной, что ли? — обиделся Ромка. Он помолчал, а потом добавил:

— Дурой тебя назвал... Нарочно. Смелая ты. Даже не заплакала.

И только теперь Маруся не могла сдержать подступивших слез. Хрупкие плечи, обтянутые прилипшим платьем, задрожали.

— Букет цветов утонул, — почти пропела она, всхлипывая. — Наташке несла. Опять реветь будет...

— Пустяки, — оживился Ромка, выжимая намокшую отцовскую кепку. — Космонавты! — крикнул он властно. — Звезды собирать пойдем. Такой букет составим, что сам Кузьма Захарыч заглядится.

ИВОВЫЙ ПЛЕТЕНЬ

Никогда еще не было такого, чтобы мы, деревенские ребята, проходя мимо хаты пасечника Ляксеича, не заглянули в щели ивового плетня. Проходили, может, по десять раз на дню — и всякий раз останавливались и, прижавшись губами к сухим, потрескавшимся от солнца и от времени переплетенным прутьям, с заразительным любопытством следили за старым пасечником. Рой пчел, да что там рой — туча целая кружилась над ульями, а он, как волшебник, возился над чем-нибудь среди этой кипящей тучи.

Раскрасневшиеся от солнца подсолнухи подмаргивали нам и очень весело улыбались. Многие колышки плетня всегда были одеты в глубокие шапки, которые назывались горшками бабки Параски, жены Ляксеича, доброй. Иной раз старый пасечник замечал нас, но никогда не отгонял от своего ивового плетня. Наоборот, он зазывал нас и каждому давал пробовать крутой сахаристый мед. А если нас было мало, бабка Параска угощала молоком.

В соседних дворах мы воровали яблоки, но боже упаси, что-

бы кто-нибудь из нас сорвал хоть одно яблоко в саду пасечника. А сучья яблонь белого налива свешивались, облокотившись об ивовый плетень.

Через много лет я снова проходил той тропинкой, рядом с которой стоял ивовый плетень Ляксеича. Теперь на его месте стоял высокий каменный забор, сверху обтянутый колючей проволокой.

Давно разбились горшки бабки Параски, исчезли ульи Ляксеича, да и сам он умер.

На месте хаты вырос дом из белого кирпича с шиферной крышей, а ивовый плетень изгнал высокий кирпичный забор.

Избранная лирика и лирические миниатюры приведены по изданию:

Блынский Д. Я полон света... Стихотворения и поэмы разных лет, переводы, проза, переписка, воспоминания о поэте. — Орел: Вешние воды, 1997.